

ИРОНИЯ «ПРОЗЫ ЛЮБВИ» В ЛИРИКЕ Н.А. НЕКРАСОВА

© О.В.Клименко

Оренбургский государственный педагогический университет

Статья поступила в редакцию 29.06.2009

В статье «Ирония «прозы любви» в лирике Н.А. Некрасова» автор говорит о новаторстве Некрасова относительно любовной темы в его стихах. На примере нескольких стихотворений анализируется иронический подтекст, раскрывающийся особым образом в любовной лирике Некрасова. Рассматривается позиция лирического героя, в которой ирония становится средством преодоления страдания. В статье понятие «проза любви» раскрывается именно с точки зрения анализа иронического осмысления любви лирическим героем.

Ключевые слова: ирония, иронический подтекст, лирический герой Некрасова, «второй план», некрасовская любовная лирика.

° Стихи Некрасова о любви по праву занимают особое место в любовной лирике XIX века. До их появления любовная тема обычно раскрывалась в контексте духовного мира лирического героя и не соотносилась со сферой обыденного и повседневного. Никогда предметом изображения в поэзии не становилась бытовая семейная ситуация, в которой есть место ссорам, разочарованиям, скандалам и истерикам. Эту ситуацию ввел в любовную лирику именно Некрасов. Л.Я. Гинзбург писала: «Для реализма XIX века бытие не распадается больше на противостоящие друг другу сферы высокого и низкого, идеального и вещественного. <...> Для художника-реалиста действительность подлежит социальному и моральному суду и обличению; но из этой же действительности он черпает высокое и прекрасное. Тем самым многообразные явления конкретной действительности оказываются возможными носителями идейных и эстетических ценностей; тем самым они находят доступ в некогда замкнутый мир высокой поэзии»¹. Большая часть некрасовских стихотворений о любви сосредоточена в «панаевском» цикле. Но для анализа нужна не их биографическая основа, а взгляд лирического героя на отношения мужчины и женщины. В некрасовских стихотворениях о любви обычно есть сюжет. Каждое из них – рассказ о каком-то событии в жизни двоих. Это и ссора с последующим за ней примирением («Если мучимый страстью мятежной...»), и ожидание письма от любимой женщины («Да, наша жизнь текла мятежно...»), и расставание («Прощание»), и воспоминания об умершей возлюбленной на ее могиле («Я посетил твоё кладбище») и многое другое. Каждое стихотворение – исповедь любящего (и, чаще всего, страдающего)

сердца. Всякий раз в этой исповеди неизменно одно – тоска по спокойным, устоявшимся отношениям, в которых один человек поддерживает другого, является для него опорой. В одном из писем Л.Н. Толстому Некрасов высказал свой взгляд на дружбу, любовь и человеческие взаимоотношения вообще: «Хорошо ли, искренно ли, сердечно ли (а не умозрительно только, не головою) убеждены Вы, что цель и смысл жизни любовь? (в широком смысле). Без нее нет ключа ни к собственному существованию, ни к существованию других, и ею только объясняется, что самоубийства не сделались ежедневным явлением. По мере того, как живешь – умиляясь, светлеешь и охлаждаешься, мысль о бесцельности жизни начинает томить, тут делаешь посылку к другим – и они вероятно (т.е. люди в настоящем смысле) чувствуют то же – жаль становится их – и вот является любовь. Человек брошен в жизнь загадкой для самого себя, каждый день его приближает к уничтожению – страшного и обидного в этом много! На этом одном можно с ума сойти. Но вот вы замечаете, что другому (или другим) нужны вы – и жизнь вдруг получает смысл, и человек уже не чувствует той сиротливости, обидной своей ненужности, и так круговая порука. <...>. Человек создан быть опорой другому, потому что ему самому нужна опора»².

Лирический герой «панаевского» цикла в понятие любви вкладывает именно этот смысл: истинное счастье с любимым человеком – не безудержная страсть (пусть даже взаимная), а те отношения, в которых есть место преданности, утешению, состраданию. В одном из некрасовских стихотворений такое понимание любви выразилось в полной мере: «Ты всегда хороша несрав-

° Клименко Ольга Владимировна, аспирант.

E-mail: miro511@mail.ru

¹ Гинзбург Л.Я. О лирике. – М. – Л.: Советский писатель, 1964. – С. 224.

² Некрасов Н.А. Полное собрание сочинений в 15 томах. – Т.1. – Т.2. – Л.: Наука, 1981; Некрасов Н.А. Полное собрание сочинений в 12 томах. – Т. 10. – М.: Государственное изд-во художественной литературы, 1952. – С. 331.

ненно, / Но когда я уныл и угрюм, / Оживляется так вдохновенно / Твой веселый, насмешливый ум; / Ты хочешь так бойко и мило, / Так врагов моих глупых бранишь, / То, понутив головку уныло, / Так лукаво меня ты сметишь. / Так добра ты, скупая на ласки, / Поцелуй твой так полон огня, / И твои ненаглядные глазки / Так голубят и гладят меня, – / Что с тобой настоящее горе / Я разумно и кротко сношу / И вперед – в это темное море – / Без обычного страха гляжу...». Но кроме минут понимания и поддержки, есть целая жизнь «с придачей нервических, тяжелых драм». Б.О.Корман, сравнивая общий эмоциональный фон любовной лирики Пушкина и стихов Некрасова, пишет: «Некрасов же создает лирику совсем иного рода – лирику диссонансов, нервического напряжения, внутренней борьбы и смятения»³. В создании этого контекста важную роль играет образ лирической героини. Это уже не идеальная возлюбленная, а вполне земная женщина со своими недостатками, живущая обычной жизнью. Многие поступки раскрывают перед читателем такие черты ее характера, как неуравновешенность, вспыльчивость, иногда жестокость. Лирический герой оказывается в плену собственных чувств: он не может разорвать этот союз, но день за днем испытывает невыносимые страдания. И любовь, в которой «что минута, то вспышка готова», невозможна без иронического ее осмысления – иначе она превратится в трагедию. Поэтому в любовной лирике Некрасова иронический подтекст чаще всего присутствует, но в несколько иной форме, нежели в других его стихах. Ирония как прием, на уровне одной фразы, встречается здесь крайне редко, есть лишь несколько таких примеров. В стихотворении «Слезы и нервы» она возникает посредством рационального анализа человеческих чувств, неожиданного низведения трагической ситуации до уровня бытового и скучного в своей обыденности. К примеру, восклицание героя при виде женских слез – «Не знаю, сколько в вас печали, / Но деспотизму нет конца!» – вскрывает новый, неожиданный смысл: слезы – не проявление горя, отчаяния, боли, а всего лишь средство добиться своей цели. То же самое происходит, когда образ рыдающей героини резко «снижается», вплоть до физиологических проявлений – так, герой наблюдает, «...Как буйство нервное стихает / И переходит в аппетит...». В этом же стихотворении есть примеры того, как ирония возникает из нелепости, абсурдности ситуации: «Кто у нее прощенья просит, / Вины не зная за собой?». Или ситуация еще более абсурдная, когда измученный и рассерженный герой присутствует при выборе наряда для «милой»,

которой эта приятная процедура молниеносно возвращает вкус к жизни и хорошее настроение: «Кто говорит: «Прекрасны оба» – / На нежный спрос: «Который взять?» – / Меж тем как закипает злорада / И к черту хочется послать...»

По мнению Л.Я.Гинзбург, все описанное – «не шутка, не насмешка Дмитриева над модной женщиной, говорившей про шаль из английского магазина: «... Нет, слишком дорога! А ужасно как мила!» Это любовная лирика, полная горечи и страсти. Для изображенного здесь человека, городского интеллигента, данные реалии существенны, выразительны, поэтому они могут стать носителями драматической эмоции»⁴. «Слезы и нервы» – реалистически точная зарисовка проявлений как женской, так и мужской психологии в определенном моменте развития отношений. И зарисовка эта могла бы вызывать у читателя самое тяжелое и тоскливое чувство, если бы не усмешка, хотя и горькая, над несовершенством человека: в данном случае, над женским коварством и пустотой и над мужской наивностью и слабостью.

В другом стихотворении – «Где твое личико смуглое...» (1855) – ирония также является приемом. Описание разлуки, воспоминания об ушедшем счастье, боль утраты – все это неожиданно заканчивается игрой слов. Лирический герой вспоминает: «Помнишь, тебе особливо / Нравилась зубы мои?». И подводит «неутешительный» итог: «Но и зубами моими / Не удержал я тебя...». Конечно, не возникло бы комического эффекта, если бы герой просто признался в том, что не удержал любимую, потерял ее навсегда. Но возможность участия «зубов» в этой ситуации создает «второй план» высказывания, что заставляет читателя улыбнуться. Улыбается и сам лирический герой, и в этой улыбке – снова ирония, усмешка над самим собой, над былой верой в то, что счастье возможно. Как и в предыдущем примере, эта ирония выступает как способ преодоления несчастья, возможность переосмыслить то, что в буквальном рассмотрении, без улыбки, кажется трагическим и непоправимым. В большинстве же случаев ирония в некрасовской любовной лирике создает основу стиля – не в одном отдельном высказывании, а на уровне целого стихотворения; она возникает не при столкновении смысловых планов, а из интонации, общего чувства, которым проникнуто стихотворение. Необходимо отметить, что в такой иронии позитивный настрой близок к нулю – улыбки она практически никогда не вызывает (в отличие от последнего примера из стихотворения «Где твое личико смуглое...»). Мы уже упоминали о том, что все некрасовские стихотворения о любви объединяет одно и то же чувство. Б.О.Корман пишет: «Различны лирические

³ Корман Б.О. Лирика Некрасова. – Ижевск: Удмуртия, 1978. – С. 69.

⁴ Гинзбург Л.Я. О лирике... – С. 220.

сюжеты, все новые и новые облики принимают лирические события, но исходная коллизия остается неизменной: почти каждое любовное стихотворение – это рассказ о большой человеческой беде. <...> Герой обычно подавлен, озлоблен, угрюм. <...> Дело в том, что Некрасов изображает человека, все чувства которого не только определены социально и исторически, но и взаимосвязаны и проникнуты общим отношением к действительности, т.е. образуют мироотношение – единство, в котором каждый элемент с необходимостью связан, обусловлен другими и в свою очередь их обуславливает»⁵. Подобную мысль высказал и Н.Н.Скатов в своей работе «Некрасов и Тютчев»: «Вообще же некрасовские вступления – это продолжения вновь и вновь начинаемого спора, ссоры, диалога: «Я не люблю иронии твоей», «Да, наша жизнь текла мятеежно», «Так это шутка, милая моя». Обратим внимание здесь и на многозначность. Ими заканчиваются почти все произведения его интимной лирики. Это указание на фрагментарность, на неисчерпанность ситуации, на неразрешенность ее, своеобразное «продолжение следует»⁶. «Панаевский» цикл от начала до конца проникнут горечью несостоявшегося счастья. О том, что оно не состоится, лирический герой знает заранее: «...Не торопи развязки неизбежной! / И без того она недалеко...». (*Я не люблю иронии твоей*. 1850). «Я не люблю иронии твоей» – слова, обращенные к возлюбленной. Ирония, по Некрасову, губит живое чувство, делает человека холодным и отчужденным. «Рутинность лицемерия и рутинность иронии губят в нас простоту и откровенность», – писал он⁷. Лирический герой при всем своем неприятии иронии сам болен ею безнадежно; она становится для него способом переживать боль и несправедливость, не обнажать душу, чтобы не получить новых ударов. Таким образом, постепенно из способа защиты она вырастает в целую жизненную позицию, становясь даже «рутиной». Понимая, что в любви (той, идеальной, о которой тоскует сердце) такая жизненная позиция неуместна, он пытается оградить от этой «рутины» свои отношения с любимой: «Оставь ее отжившим и нежившим, / А нам с тобой, так горячо любившим, / Еще остаток чувства сохранившим, – / Нам рано предаваться ей!». Однако и сам он уже не умеет жить и чувствовать по-другому: «Кипим сильней, последней жаждой полны, / Но в сердце тайный холод и тоска...». Ирония возникает и от осознания того, что страсть жива – но развязка неизбежна, так как нет душевных сил, чтобы возродить любовь, а точнее – сохранить ее после того, как страсть угаснет. Эта мысль проходит через весь «панаевский» цикл; любовь, по Некрасову, – всегда страдание, и

трагическая развязка в ней предопределена. Герой осознает это – и все-таки продолжает вести бесплодную борьбу с обстоятельствами, с самим собой, и, возможно, втайне еще надеется на чудо. Явное несовпадение желаемого и действительного, невозможность счастливого финала вкупе с добровольно продолжающимся при этом страданием героев зачастую приводит к абсурду, аномалии и в чувствах, и в отношениях. Это является естественным поводом к ироническому осмыслению ситуации и в авторском сознании, и – как следствие – в сознании читателя. Например, герой готов вновь испытывать то, что когда-то причиняло страдания: «... одним воспоминаньем, / Одним прошедшим я живу – / И то, что в нем казалось нам страданьем, – / И то теперь я счастьем зову...». Ему легче пережить разлуку, зная, что любимая тоже страдает (что уже само по себе не вписывается в общечеловеческие представления о любви): «... Но мысль, что и тебя гнетет тоска разлуки, / Души моей смягчает муки...» (*Да, наша жизнь текла мятеежно...* 1850). Размолвка становится едва ли не единственным способом разбудить уснувшие чувства: «После ссоры так полно, так нежно / Возвращенье любви и участия...» (*Мы с тобой бестолковые люди...* 1851). Сюда же относится и рассмотренный выше пример – предчувствие конца, хотя чувство еще живо: «Кипим сильней, последней жаждой полны, / Но в сердце тайный холод и тоска...» (*Я не люблю иронии твоей*. 1850).

Обобщая все сказанное, можно сказать, что лирический герой находит своеобразную радость лишь в страдании, потому что больше ни в чем ее нет. Таким образом, страдание понемногу становится для него нормой жизни. Именно этот эмоциональный фон, общее настроение всего цикла и становится благодатной почвой для иронии-переживания, иронии-преодоления. В основном она ощущается лишь на уровне целого текста – остается как послевкусие от прочтения. Иногда же она все-таки слышна в голосе лирического героя: «Если проза в любви неизбежна, / Так возьмем и с нее долю счастья...» (*Мы с тобой бестолковые люди...* 1851). Ирония здесь становится знаком того, что страдает человек мыслящий, незаурядный, в чем-то слабый, но в чем-то и сильный. Именно это высокое страдание делает некрасовскую «прозу любви» – поэзией.

⁵Корман Б.О. Лирика Некрасова... – С. 68 – 70.

⁶Скатов Н.Н. Некрасов и Тютчев // Некрасов и русская литература. – М.: Наука, 1971. – С. 242.

⁷Некрасов Н.А. Полное собрание сочинений в 12 томах.... – С. 332.

IRONY IN THE «PROSE OF LOVE» IN THE LYRICS OF N.A.NEKRASOV

© O.V.Klimenko°

Orenburg state pedagogical university

In the article «Irony in the «prose of love» in the lyrics of N.A.Nekrasov» the author speaks about Nekrasov's innovative approach to love theme in the verses. By the example of a few Nekrasov's verses the author analyzes the ironical subtext, which is perceived in the special way in the love lyrics of Nekrasov. The attitude of a lyrical hero to his own love feelings is considered, with irony being the only means of overcoming sufferings. The notion of the 'prose of love' is reflected by the author from the viewpoint of analysis of the ironic perception of love by the lyrical hero himself.

Keywords: irony, ironical subtext, Nekrasov's lyrical hero, «background», Nekrasov's love lyrics

---

°*Klimenko Olga Vladimirovna, Post-graduate student.
E-mail: miro511@mail.ru*